

Сазонов Д.И., протоиерей, Общецерковная аспирантура имени св. Кирилла и Мефодия (Россия)

СОСТОЯНИЕ ПРИХОДСКОЙ ОБЩИНЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1958-1988 ГГ. ПРОБЛЕМЫ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ

В статье дается оценка состояния приходских общин Русской Православной Церкви, показывается, что они находились под тотальным контролем государственных и партийных органов власти. Государство напрямую вмешивалось в кадровую, управленческую, идеологическую, финансово-хозяйственную деятельность Церкви. На основании источников указывается, что наряду с жесткой государственной политикой в отношении религии, не смотря на спровоцированные в приходских общинах властью конфликты, желаемые результаты не были достигнуты: уровень религиозности населения только возрастал. Изменение ситуации произошло благодаря изменению государственно-церковных отношений к концу 1980-х гг., принятием на Поместном Соборе в 1988 г. приходского Устава, что способствовало возвращению приходской общине ее канонического устройства, и религиозного смысла.

Ключевые слова: приход, староста, комиссия по контролю, уполномоченный, епископ, власть.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-02-172-180

Главными проблемами приходской жизни с 1958 по 1988 гг. были извечные постулаты, которыми руководствовались люди во все времена и при любом государственном или общественном строе: власть и деньги. Именно контроль над этими сферами приходской жизни и стал основополагающим для партийных и государственных органов в т.н. «хрущевский» и «брежневский» периоды осуществления государственной политики в отношении Церкви. Два выше обозначенных фактора определяли уровень других проблем: невозможность священнику должным образом совершать свои пастырские обязанности на приходе, диктатура старост, являвшихся фактическими хозяевами прихода, невозможность обучать молодое поколение религии и привлекать людей работоспособного возраста для богослужбной, миссионерской, социальной деятельности, разложение прихода как религиозной структуры Церкви - неподчинение церковного исполоргана правящему епископу, количественное сокращение приходов в связи с фактором вымирания деревни и политики по сокращению количества церквей.

Как было отмечено, основными проблемами на приходе были проблемы связанные с властью и деньгами, сосредоточенными на приходе в руках старост, отстранение приходской реформой 1961 года священника от финансово-хозяйственной деятельности. Проблемы контроля над властью и деньгами напрямую влияли на разрешение в ту, или иную сторону, приходских проблем. «Эта реформа (реформа приходского управления принятая на Архиерейском Соборе 1961 года – Д. С.) исказила суще-

ство пастырского служения священника в приходе и лишила духовенство права не только состоять по избранию прихожан в церковных советах, но и права быть членами церковно-приходских общин. Эта реформа лишила верующие массы права участвовать в управлении приходскими делами, усвоив это право только двадцати членам-учредителям, которые одни только признаются полноправными членами приходского собрания. Не трудно видеть, что такая схема не имеет ничего общего с православным понятием о приходе. Находится она также в полном противоречии с гражданским законодательством о культурах»[2, с.78]. Констатируя ликвидацию традиционной системы приходского управления при которой священник состоял лишь в качестве нанимаемого лица архиепископ Ермоген (Голубев) пишет: «Каноническое право говорит, что церковный приход никогда не возникал и не получал канонического оформления без священника и священник всегда был полноправным членом приходской общины. История Церкви знает существование приходов, которые по условиям времени, например, в эпоху гонений не имели храма, но она не знает ни одного случая, чтобы во главе прихода не стоял священник. Не имущество церковное и даже не молитвенное здание дает жизнь приходу, а верующие—прихожане и священник. Только в их союзе и взаимодействии возможно существование христианской общины, а разрыв этой связи уничтожает понятие прихода. Согласно гражданского законодательства не двадцать человек, подписавших договор на пользование храмом, а все местные жители православного вероисповедания являются пол-

ноправными членами общего приходского собрания (Постанов-е от 08.04.1929г.)»[2, с.78-79].

Все сознавали ненормальность созданной ситуации. Как было уже отмечено, власть на приходе была сосредоточена в руках исполорганов (Приходского совета и Приходского собрания), которые возглавляли старосты, поставленные на должность (оплачиваемую) советскими органами. Старосты назначались исполкомами в основном из среды людей имеющих, неблагоприятную репутацию. В выборе такой кандидатуры был свой резон – такими людьми проще было управлять. Одной из поставленных целей была поставлена задача развалить приход. Так, с целью разложения церковных советов, использовали финансовые неурядицы, наличие в советах людей пенсионного возраста, с которыми члены комиссии по соблюдению религиозного законодательства проводили индивидуальную работу, запугивая и склоняя отказаться от должности[5, с.4]. Другой целью исполкомов и уполномоченных по делам религий было – держать под контролем приходские финансы и постоянно увеличивать поборы отчислений в Фонд мира и ВООПИК. Старосты, их непомерные амбиции, корыстолюбие, надменное отношение к священнику, служили источниками постоянных конфликтов на приходе. Именно о такой ситуации говорят источники. Зам. председателя совета по делам религий В. Фуров в отчете констатирует факт того, что священник работает в общине согласно договора по найму, и что он, как наемное лицо не имеет права вмешиваться в финансово-хозяйственную жизнь прихода [19, с.28]. В отчете секретаря Даниловского райсовета К. Смирнова подтверждается факт прямого назначения руководством исполкома на должности старост «проверенных людей». Он утверждает, что в 1964 году по указанию прямому исполкома был изменен исполнительный состав Горенской и Бабуриной церквей: «Старостами этих исполнительных органов избраны новые (проверенные) независимые от духовенства люди» [9,13]. Признание Смирнова не является единичным, что свидетельствует о штатной ситуации внешнего управления приходом. Можно утверждать, что к концу 60 –х годов XX века в Русской Православной Церкви сложилась ситуация, при ко-

торой осуществлялся полный государственный контроль над приходскими советами - к областному уполномоченному стекалась приходская отчетность о финансах, пожертвованиях, обрядности, о священнослужителях, их личной жизни и моральном облике.

О власти, которой обладали уполномоченные над приходскими организациями РПЦ яркое свидетельство можно найти в докладе уполномоченного по Костромской области В. Кудрявцева своему руководству в Москве: «В целях ограничения деятельности церковников приобретение автомашин в сельской местности не разрешаю, покупки или строительства домов не разрешаю, было ходатайство о возобновлении колокольного звона и колокольне, не разрешил»[5, с.11]. Перед нами личность (областной уполномоченный по делам религий) сосредоточившая, в своих руках огромную власть, в сравнении с которой власть епархиального архиерея выглядела формальной и часто сводилась лишь к богослужебным функциям. Да и в богослужебные функции власти не считали зазорным вмешиваться. Так, священнику А. Зуммеру власти запретили совершать богослужение на престольный праздник святителя Николая в связи с эпидемией ящура [14, с.115]. Рыбинская облуполномоченная по делам религий Долотцева в период эпидемии гриппа распорядилась созвать медкомиссию и взять на анализ мазки со священных сосудов на проверку[14, с.123], что с религиозной точки зрения считается святотатством, и только решительные действия священника смогли остановить кощунников. Факты свидетельствуют, что на уровне области уполномоченный мог воспрепятствовать совершать какие-либо действия даже архиерею на приходе, не говоря о священнике. О полном государственном контроле на приходе свидетельствуют и данные об увеличении приходских отчислений в Фонд мира, которые проводят исполорганы приходов по указанию исполкомов. В отчете угличского исполкома за 1973 года мы находим данные о том, что исполнительный орган религиозной общины наращивает отчисление в Фонд мира: «В 1971 году было отчислено 2500 руб. или 3,5% от общего дохода, В 1972 году – 11000 руб., или 15,5%, в 1973 году – 20500 руб., или 30%». В отчете

исполкома отмечается положительная деятельность в исполнительном органе старосты Иноземцева В. В., который беспрекословно исполнял все предложения и указания Советских органов» [10, с.21]].

Как уже отмечалось, роль церковной иерархии во влиянии на ситуацию была минимальной. Как замечает зам. председателя Совета по делам религий В. Фуров в отчете СДР членам ЦК компартии СССР церковной иерархии в управлении церковной жизнью отводится обязанность рукополагать кандидатов в священники и диаконы на приходы «после согласования с Уполномоченным Советом и по просьбе исполоргана религиозного объединения», а также, руководство богослужебной деятельностью духовенства. Он констатировал участие и согласие Совета как в выборе кандидата на епископскую кафедру, так и контроль за его действиями на протяжении служения епископа в епархии. Председатель СДР В. Куроедов в газете «Известия» от 30.008.1966 года заявлял, что «архиерейские назначения, перемещения и увольнения, зависят в настоящее время от председателя Совета по делам религий в гораздо большей степени, чем они зависели в царской России от обер-прокурора Синода» - писал архиепископ Ермоген (Голубев)[2, с.74]. Неудовольствие управляющих епархиями (само существование епархии противоречило Положению 1929 г.) часто переводили из Центральной России на окраины страны, в «глушь», где они не могли влиять на степень религиозности населения. По его словам, Совет по делам религий контролировал деятельность высшего духовенства не только через областных уполномоченных, но и через ежегодные их посещения Совета[19, с. 5, 6, 27], где с каждым проводились собеседования с целью определения характера деятельности управляющего епархией и соответствия его кандидатуры «занимаемой должности»].

Ситуация, возникшая на приходе в начале 60-х годов была оформлена законодательно. Государство, в данном случае с подачи зам. по идеологии КПСС Л. Ильичева и самого Н. Хрущева лишь призвало восстановить «ленинское законодательство» по отношению к религии, пересмотренное И. Сталиным в сторону традиционного устройства и деятельности Русской Православной Церкви.

Ситуация начала 60-х годов в отношении к Церкви и религиозным организациям выглядела логичной в свете «борьбы с культом личности и перегибами сталинской политики», возвращению к «ленинским нормам». В инструкции по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства от 19 июня 1923 года, согласно постановлению НКЮ от 19 июня 1923 года в п. 8 говорится: «ни одна религиозная организация не имеет права вмешиваться, как власть имущая, в деятельность какой-либо другой религиозной организации против ее воли (назначать ей неугодных служителей культа, отбирать от нее представленные в пользование местным исполнительным комитетом здания, и т.д.), ибо отдача в ее пользование храма или молельни местным исполнительным комитетом происходит не в пользу какой-либо церковной иерархии, а лично тем гражданам, которые подпишут договор с исполнительным комитетом». В Положении о религиозных объединениях 1929 года подчеркивалось «независимость религиозной организации от вышестоящей церковной власти», в частности указывается, что «религиозное общество может пользоваться лишь одним молитвенным помещением (п.10), и что «объединения верующих содержатся исключительно на добровольных началах» (п.20)[18, с.107]. Так староста мог сказать архиерею, что тот для него не начальник, и подчиняться ему не будет[17, с.31].

Как уже говорилось, в связи с тем, чтобы лучше осуществлять контроль над приходскими советами, на руководящие должности исполкомом были поставлены люди, которые, как правило, имели «подмоченную репутацию». Моральный облик поставленных в церковные организации людей иногда вынуждал сами власти, боясь явной дискредитации, убирать из церковных структур наиболее одиозных из них. Например, в своем отчете уполномоченный по Ярославской области Вагин был вынужден признать, что «бывший староста Горинской церкви А. П. Андрианов был снят с должности за систематическую пьянку и растрату денежных средств[9, с.12]. В ряде случаев, на должность старост властями ставились люди не только морально нечистоплотные, но еще и малообразованные, и малокультурные: «В

некоторых религиозных общинах и сегодня нарушается порядок оформления записей на крещение детей. В религиозной общине с. Троицкое (староста Зарайская М. П.), учет религиозной обрядности ведется на различных обрывках без соответствующего оформления и росписи родителей и их согласия на крещение»[9, с.14]. Приведенные факты подтверждают стремление властей не только находить инструменты управления исполорганами прихода, но и преследовали цель разложения общины. Религиозные представления верующих, и религия в целом, по их замыслам, должны быть дискредитации посредством наглядного примера неприглядного облика «верующих людей». В данном случае преследовалась цель оттолкнуть верующих от желания посещать церковь, а также, при возникновении конфликтной ситуации довести дело до закрытия храма.

Особенно власти были заинтересованы в создании постоянной конфликтной ситуации в религиозных общинах, складывающихся через спор о полномочиях (светской и духовной власти) неравномерное распределение финансовых доходов у старост, распределяющих средства и недовольного своим подчиненным положением духовенства. Проблемами прихода были конфликты между настоятелем и церковным советом не только настоятелем и вторым священником, между певцами. В основе лежал финансовый конфликт. Разница в оплате, например правого, более профессионального хора была выше чем «левого», любительского, и всегда была предметом конфликтов. Особенно острой была ситуация, когда староста вмешивалась в богослужебную жизнь прихода (староста – священник + верующие), напрямую указывала священнику, когда и как следует служить[17, с.32]. Однако, конфликтная ситуация на приходе, итогом которой была поставлена цель закрытия храма, характерная для 60-х, начала 70-х годов, в последующих годах принимала не такие радикальные формы, и была скорее всего внутренним делом прихода, заканчивающимся переводом священнослужителя, либо снятием (что было крайне редко) слишком уж одиозной старосты. В 70-е, нач. 80-х гг. мы видим, что власть уже отошла от искреннего следования своей идеологизированной платформе, налицо был кризис

идеологии. Деньги приходов, и священнослужителей, делающих «добровольные пожертвования» в Советский фонд мира, уходившие в основном на ВПК и на поддержку национально-освободительных движений во всем мире, были нужны властям. Святейший Патриарх Кирилл в своих воспоминаниях указывает на ситуацию, когда власть в г. Вязьме, Смоленской области «питалась» за счет церковных подношений[17, с.31]. Возникла финансовая заинтересованность власти в отчислениях религиозных общин как официальных, так и неофициальных. Однако, в конфликтной ситуации на приходе власти были по-прежнему заинтересованы преследуя цель наилучшей управляемости].

С учетом уже открытых историками материалов, однозначный ответ о власти на приходе советских органов не будет исчерпывающим. Он будет более точным (нельзя сказать, чтобы он отражал полностью объективно картину происходящего – Д. С.), когда скажут, что ситуация напрямую зависела от личности уполномоченного по делам религий в данной области, утверждавшего кандидатуру старосты. Уполномоченного, который обладал сведениями о жизни на приходе и мог в разрешении конфликтной ситуации: кляузу, или донос старосты на священника придержать, или дать ей ход. Конечно, положение наемного лица не устраивало большинство священнослужителей, лишенных законодательной власти на приходе. Случаи, когда священник настоятель пытался восстановить свои права по управлению приходом, в частности, права на вознаграждения за труды и достойную оплату своего труда были не редки. Не редки были и не только репрессивные меры со стороны уполномоченных, но определенное понимание, которое священник находил и в лице уполномоченного. Уполномоченные не только все воспрещали. Тот же цитируемый В. Фуров, в своем отчете говорит о разном подходе исполорганов к «проступкам» священнослужителей. Одни в случае конфликта расторгают договор, другие сотрудничают[19, с.41]. [Протоиерей Михаил Ардов отмечает, что была большая разница между уполномоченными бывшими сотрудниками КГБ и бывшими партийными и идеологическими работниками. Партийные были непримиримыми в отличие, от более

профессиональных работников госбезопасности [1, с.25]. На основании документальной базы установлено, что середине 60-х годов власть на приходе принадлежала старостам в основном на городских приходах. Однако, в сельских храмах, куда епископы иногда были вынуждены отсылать активных и авторитетных священников, таких как протоиерей Александр Мень, архимандрит Михей (Хархаров), архимандрит Таврион (Батозский), архимандрит Павел (Груздев), архимандрит Поликарп (Будаква), дело обстояло несколько иначе. Авторитет священника, его мудрые действия на приходе, вызывали к нему уважительное отношение не только среди верующих, но и среди представителей власти. «Все ездили к нему, - говорится в воспоминаниях об архимандрите Павле (Груздеве), - от развозчика хлеба до секретаря райкома» [15, 531]. Даже самые преданные власти старосты-назначенцы, не всегда решались противостоять авторитету священника. И все же, приведя свидетельство в пользу этого аргумента, следует признать – перечисленные священнослужители не занимали «хлебные» и городские приходы. Они не могли влиять в целом, на ситуацию. Их случаи были скорее исключением, чем правилом. Даже такой влиятельный в то время митрополит Ярославский Никодим (Ротов), председатель ОВЦС, из-за нежелания входить в конфликт с уполномоченным, не смог того же архимандрита Павла назначить в Воскресенскую церковь Тутаева, а назначил его в глухое и бедное село Верхне-Никульское [15, с.348].

Немалое значение личность, «дипломатический талант», а также, церковность правящего архиерея. Кто-то из архиереев (в брежневские времена обстановка была не столь антирелигиозно накалена как в хрущевские), находил возможность договариваться с уполномоченным, и проводил церковную линию: защищал и прикрывал провинившихся перед властями священников, малообеспеченные приходы от закрытия, пробивал нужное количество кандидатов на рукоположение, где-то отстаивал права священника перед старостой и двадцаткой. Так например, архиепископ Ярославский Иоанн (Вендланд) спрятал находившегося за штатом архимандрита Михея (Хархарова) в самый отдаленный приход своей епархии,

«куда и летом не всегда мог приземлиться самолет» [12, с.130]. Однако, и там, по мнению как церковных, так и светских источников, авторитет архимандрита Михея, собирал и привлекал множество верующих. В таких обстоятельствах «тревожные сигналы» партийных органов об увеличивающейся активности верующих и жалобы уполномоченного были владыкой Иоанном были проигнорированы. [Костромской уполномоченный также жаловался своему руководству в Москве на нежелание правящего архиерея следовать его инструкциям и указаниям: «Священник Груздев В. С. 1932 г.р., без ведома уполномоченного и Епархии переизбрал старосту и председателя ревизионной комиссии как неудобных ему лиц с целью, чтобы легче было запускать руку в церковную кассу. Надо было показать на его примере, что Епархия с этим борется, но этого не получается, перевели его на другой приход и только. Причем, жалобы, поступающие в епархию на того, или иного священника от меня скрываются» [5, с.8]. Приведенные цитаты говорят о том, что верующий народ всегда стремился к авторитетным священникам и в них видел истинное служение Богу и пример для подражания. Отделял веру от личных, в том числе и неприглядных качеств жизни того, или иного священника. Особенно он тянулся к тем священнослужителям, кто не только словом, но и делом исповедовал свою веру. Не удалось власти и полностью взять под контроль финансовую сторону приходов. Несмотря на всю кажущуюся прозрачность официальной бухгалтерии, которую показывали в финансовые инстанции и в отчетах уполномоченному в каждой области и в центральные инстанции, на налоги и отчисления в Фонд мира и ВО-ОПИК, в каждом приходе существовала «черная касса» - неучтенная бухгалтерия, тот доход от неучтенных треб, «левых» свечей, от продажи лампадного масла, который удавалось не показывать. Исследовавший сферу экономической деятельности Русской Православной Церкви Н. Митрохин утверждает, что наличные деньги являются основой существования теневой экономики. Он пишет, что «никакой контроль не мог изменить отношений между церковным казначеем (бухгалтером – прот. Д. С.) и старостой, если назначение первого зависело от воли второго (или

стоявшего за ним священника)». В качестве подтверждения своих слов он указывает на надбавку к зарплате казначея, выдаваемого старостой в «в конверте». Такие же конверты распределялись старостой и среди членов двадцатки [16, с.147]. Поэтому понятно, кого в случае конфликта на приходе, поддерживали члены двадцатки. Из неучтенных официальной бухгалтерией денег производились ремонты, к осуществлению которых, привлекались (повсеместно это явление можно было наблюдать в сельских приходах - Д. С.) наемные бригады, труд которых оплачивали без соответствующего оформления. В документацию могли вносить лишь часть суммы, другую оплачивая из «черной кассы». Из неучтенных церковных денег осуществляли доплаты духовенству, в частности, на выплату налога, персоналу и хору, носили в виде «подарков» уполномоченному и архиерею, подношения тем, кто мог выписать стройматериалы, на найм машин, и т.д. Содержали своих родственников - если сами члены церковных советов по понятным причинам в основном вели скромный образ жизни, то родственники вели безбедную жизнь, которая «подпитывалась» церковными деньгами, не бедствовали. Так, по воспоминаниям костромского протоиерея Александра Корягина, староста костромского Воскресенского кафедрального собора Н. Ф. Савельев обеспечил благополучие не только себя, но всех своих родственников (квартира, гараж, машина) [13]. Такая схема работала повсеместно. На какие деньги жил архиепископ Костромской и Галичский Кассиан, если он всю свою зарплату, 2500-3000 руб. перечислял в Фонд мира? [20, с.62] Конечно на те, что приносили «просители и жертвователи».

Нелегальные финансы проходили также через священнослужителей, совершающих нелегальные требы на домах прихожан также не подлежали налогообложению. Власти, как ни боролись с этим явлением, изменить ситуацию они не смогли. По воспоминаниям священнослужителей, количество треб совершаемых таким образом, составляло примерно 10-15% от тех, что легально совершались в церкви [13]. Так, например, по сведениям полученным активистами по контролю за соблюдением законодательства о культурах, «в Борисоглебском районе имеется

одна действующая церковь в с. Павлово. Священником работает Сизов Павел Иванович. Совершая коллективное причастие на дому, сам выписывал квитанции и получал деньги за совершение треб» [6, с.5]. К сожалению, многие активные священнослужители пострадали из-за многочисленных доносов о требоисполнении на дому. Так, например, протоиерея В. А. Зуммера сняли с настоятельства Вознесенского рыбинского прихода [14, с.5].

Одной из приходских проблем следует обозначить преклонный возраст людей входящих в церковь. Следует отметить, что возраст посещающих богослужения, в подавляющем большинстве определялся как пенсионный – 60-70 лет. Возрастные и гендерные характеристики посещающих храм можно узнать из отчета уполномоченного по Костромской области узнаем, что в конце 50-х, начале 60-х гг. преобладающее количество молящихся в церкви на праздники Рождества, Пасхи, Крещения, Троицы «были старые женщины, среди которых, к общему количеству женщин в возрасте от 30 до 40 лет было не более 20%, мужчин старшего возраста было не более 20% от общего количества молящихся. Молодежи до 30 лет было только по 3-4 человека в каждой церкви. В городах количество посещающих церкви колебалось от 8 до 10,8% от общего количества горожан, в сельской местности, напр. с. Красное на Волге 17, 4%, с. Судиславль 45, 3%. Молодежь религиозным законодательством была вытеснена за церковную ограду. В религиозной сфере ее участи ограничивалось обрядностью. Но в конце 70-х нач. 80-х годов, в больших городах стало заметным возвращение интеллигенции и молодежи в Церковь. Это было еще не массовое движение, но оно послужило основой того церковного возрождения, которое проявилось в начале 1990-х годов [4, с.16]. В брежневские годы получило свое развитие совершение верующими треб (крещения и венчания) в соседних областях, особенно в сельской местности, где контроль уполномоченных и местных «активистов» был ослаблен. По замечанию исполкома Даниловского района Ярославской области в 1973 году: «В действующих церквях р-на было крещено в текущем году 13 человек, из них жителей нашего района только четыре человека. В основном

приезжие из Мурманской области, Подмосквья, Москвы. Пик крестин приходится на летние месяцы, когда люди приезжают в отпуск к родственникам»[9, с.15]. В Переславль-Залесском из 1978 из 234 крестившихся в Покровской церкви 122 крещения совершено гражданами г. Переславль-Залесского и 112 иногородними[10, с.66].

Закрытие храмов происходило в 70-80-е годы в основном в отношении малоодоходных приходов, расположенных вдали от крупных населенных пунктов. Многие малоодоходные приходы, т.н., «затухающие приходы», были закрыты как из-за отсутствия священника, так и из-за критического состояния умирающей деревни. Когда на таком приходе умирал священник, уполномоченный, несмотря на желание, и даже возможность управляющего епархией направить туда священника отказывал общине и снимал ее с регистрации. В итоге – храм закрывали. Вот и приходилось священноначалию закрывать глаза на образование кандидата во священство, лишь бы не закрыли приход. Об архиепископе Ярославском, впоследствии митрополите Ленинградском Никодиме (Ротове) секретарь Епархиального Управления протоиерей Павел Красноцветов вспоминал, что епископ «боролся с этим злом, старался обязательно назначить в такой осиротевший приход священника [...] выдерживал бои с уполномоченным, часто идя ему наперекор»[3, с.70]. Однако на примере Смоленской епархии мы можем видеть, что если в 1975 г. в ней насчитывалось – 38 приходов, даже в 1980 – 38, а в 1985 году уже было – 36. К середине 80-х годов лишь в 22-х из 34-х районов и городов области находились приходы Русской Православной Церкви[8, с.3]. При наличии в 1960 году 74 действующие церкви в Костромской епархии в 70-м году осталось 68 церквей[6, с.112-115]. К проблемам приходской общины можно отнести невозможность Церкви в полной мере осуществлять свою миссию. Церковная проповедь в те годы была ограничена пределами храма, редко носила самостоятельный и индивидуальный характер. В основном, пробелы систематического образования в проповеди восполнялись чтением проповедей из «Журнала Московской Патриархии», которые священник зачитывал на богослужении в вос-

кресные дни. Однако, были такие случаи, когда молитвенный проповедник, даже не сильно владея искусством проповеди, мог говорить ее так, что люди душой чувствовали истину его слов и становились верующими. Так говорил проповеди настоятель рязанского Новотемниковского храма Валентин Ялтунов [7, с.145]. Но, порой сам вид священника был наглядной проповедью. Архимандриту Павлу (Груздеву) однажды пришлось совершать крещение по просьбе человека прямо в бане[15, с.397]. Вместе с озвученными проблемами прихода в брежневский период, уместно будет сказать, что храмы были наполнены народом, религиозность росла. По воспоминаниям митрополита Питирима в Хамовничском двухъярусном храме г. Москвы верующих на праздники было столько, что на второй ярус невозможно было подняться[11, с. 479]. Религиозность народа была высокой. Международная и внутренняя обстановка была такова, что власть не могла выработать определенного решения направленного только на ликвидацию религиозных предрассудков и религии в целом. По идеологическим соображениям церковники – враги, их надо убирать всеми возможными способами, но ведь в то же время они приносят налоги, деньги, и верующих не становится меньше. По свидетельству зам.председателя Совета по делам религий В. Фурова: «Отношение к духовным лицам имеет и интересное противоречие: с одной стороны, их надо сокращать в силу их религиозного влияния, а с другой, верующих не уменьшается, и потребность в них растет; с одной стороны их надо компрометировать, с другой – они лояльны [...] многое знают и на многое могут повлиять»[19, с.36].

В Церковь потянулась, ища смысла жизни и правды молодежь. В отчете уполномоченного Смоленской области говорится: «С появлением молодого образованного духовенства значительно активизируется жизнь в приходах и степень их влияния на население. Это является одним из факторов того, что в области еще значительней остается религиозность населения. Не уменьшается число посетителей в храмах на пасху, престольные праздники и воскресные дни. Идет процесс воспроизводства религии, причем в новых поколениях советских людей. Имеют место факты мировоз-

зрелости отдельной части молодежи, проявления нездорового интереса к религиозному прошлому, неосознанного участия в церковных праздниках и обрядах. Об этом в частности, говорит и динамика религиозной обрядности. В 1978 г. крещений было совершено 5184, а в следующем, 1979 г. – 5443. Причем, из них детей школьного возраста 216 и 253 соответственно, совершеннолетних 64 – 156, венчаний в 1978г. - 3, в 1979 - 6, отпеваний 9215 -9187 [7, с.5-7]. Доходы приходов росли. Если официальный доход Ярославской епархии за 1970 год составили 553179, в 1972 году составлял 617153 тыс. руб., то в 1973 году составил 63783 тыс. руб. [8, с. 98,101, 107], доход Смоленской епархии за 1978 год составил 949,5 тыс. руб., то в 1982 году он уже был 1002,1 тыс.руб.[8, с.15] В годы брежневского застоя в Церковь пришли пастыри, которые своей жизнью, своим примером, своей проповедью

смогли сохранить, сберечь церковную общину для возрождения Церкви в начале 90-х годов. Постепенно отошли в прошлое конфликты, которые были символом эпохи атеизма. Новый приходской Устав Русской Православной Церкви принятый на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году дал новую жизнь приходу восстановив на нем каноническое церковное управление. Новым уставом, при котором священник возглавляет приходское собрание, восстановлено руководство пастыря-настоятеля на приходе. Уделом настоятеля вновь стала ответственность за церковную проповедь, религиозно-нравственное состояние и воспитание прихода. Собор восстановил каноническую структуру прихода дав ему возможность развития как церковной общине при ясном соблюдении разделения Церкви и государства, которое всегда было закреплено в Конституции.

Список литературы

1. Ардов М., прот. Мелочи архи., прото... и просто иерейской жизни : Картинки с натуры. – М. : Изд-во им.Сабашниковых, 1995 . – 256 с.
2. Архиепископ Ермоген (Голубев). К пятидесятилетию восстановления патриаршества (историко-каноническая и юридическая справка)// Вестник русского студенческого христианского движения. - 1967. №4 (86). - С.66-80.
3. Архимандрит Авель. Жизнь как служение Богу. /Составитель Кузык Б. Н. - М.:ИНЭС. 2008. – 561с.
4. Государственный архив Костромской области (далее - ГАКО). - Ф. р.- 2102. Оп. 5. Д. 34. 38с.
5. Государственный архив Костромской области (ГАКО). - Ф. р-2102. Оп.5.- Д. 38. – 65л.
6. Государственный архив Костромской области (ГАКО). - Оп.5. - Д.44. 37л.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). -Ф.р-6991. -Оп.2. - Д. 234. – 265л.
8. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). - Ф. 985. - Оп.2. -Д.76. – 41с.
9. Государственный архив Ярославской области (далее -ГАЯО). - Ф. р-1033. -Оп.1. - Д.35. – 98л.
10. ГАЯО. - Ф. р-1033. - Оп.1. Д. 40. – 120л.
11. ГАЯО. - Ф.1033. - Оп.1. - Д. 59. – 48л.
12. Зегжда С. А. Митрополит Иоанн (Вендланд). Биографический очерк 1909-1989.- Ярославская епархия. – 175с.
13. Личный архив прот. Дмитрия Сазонова. - Воспоминания настоятеля Воскресенского собора г. Костромы протоиерея Александра Корягина.
14. Патлань С. Священник села Теремно Йосип Зуммер. - Луцьк, 2013г. – 528с.
15. Последний из Мологи. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). – Ярославль: Издательство «Китеж», 2004, 2013 – 592с.
16. Митрохин Н. Русская Православная Церковь современное состояние и актуальные проблемы. – М.: Новое литературное обозрение, 2004 – 648с.
17. «Неизвестный» Патриарх Кирилл. – М.: Даниловский благовестник. 2009. – С.31-32.
18. О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. - М.: Изд-во политической литературы. 1977. – 144с.

19. Фуров В. Из отчета Совета по делам религии членам Центрального Комитета коммунистической партии СССР. - Нью-Йорк. Монреаль. 1991 г. 79с.
20. Эдельштейн Г., прот. Записки сельского священника. – М.: РГГУ, 2005 – 369с.

THE PARISH COMMUNITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE YEARS 1958-1988 PROBLEMS AND THEIR RESOLUTION.

The article assesses the state of the parish communities of the Russian Orthodox Church and shows that they were under the total control of the state and party authorities. The state intervened directly in the personnel, administrative, ideological, financial and economic activities of the Church. On the basis of sources it is specified that along with rigid state policy concerning religion, despite the conflicts provoked in parish communities by the power, desirable results weren't reached: the level of religiosity of the population only increased. The change in the situation was due to the change in Church-state relations by the end of the 1980s, the adoption of the parish Charter at the local Council in 1988, which contributed to the return of the parish community to its canonical structure, and religious meaning. **Size: 150-250 words.**
Keywords: parish, warden, control Commission, Commissioner, Bishop, authority.

References

1. Ardov M., FR. (1995). Little things arch., proto... and just priestly life : Pictures from nature. – М. : Izd-vo im.Sabashnikov. 256 s.
2. Archbishop Ermogen (Golubev). (1967). On the fiftieth anniversary of the restoration of the Patriarchate (historical and canonical and legal reference)// Bulletin of the Russian student Christian movement. No. 4 (86). P. 66-80.
3. Archimandrite Abel. (2008). Life as service to God. /Compiled Kuzyk B. N. M.:INES. 561s.
4. State archive of the Kostroma region (hereafter GAKO). F. R.-2102. Op. 5. D. 34. 38s.
5. State archive of the Kostroma region (GAKO). F. R-2102. Op.5. D. 38. 65ls.
6. State archive of the Kostroma region (GAKO). Op.5. D. 44. 37l s.
7. State archive of the Russian Federation (GARF). F. R-6991. Op.2. D. 234. 265s.
8. State archive of the Smolensk region (ASR). F. 985. - Op.2. -D. 76. 41s.
9. State archive of the Yaroslavl region (hereinafter-GAO). - F. R-1033. Op.1. D. 35. 98s.
10. GAO. F. R-1033. Op.1. D. 40. 120s.
11. GAO. F. 1033. Op.1. D. 59. 48s.
12. Zegzhda, S. A. (Metropolitan John (Wendland). Biographical sketch 1909-1989.- Yaroslavl diocese. - 175s.
13. Personal archive of FR. Dmitry Sazonov. - Recollections of the rector of the resurrection Cathedral of Kostroma Archpriest Alexander Koryagin.
14. Patlan S. (2013). The Priest of the village Teremno Josip Buzzer. - Lutsk, 2013. 528s.
15. The last of the Mologa. Biography of Archimandrite Paul (Gruzdev). (2004, 2013) – Yaroslavl: 'svo "Kitez". 592s.
16. Mitrokhin N. (2004) Russian Orthodox Church current state and actual problems. M.: new literary review. 648s.
17. "Unknown" Patriarch Kirill. (2009). Moscow: Danilovsky blagovestnik. S. 31-32.
18. About religion and the Church. Collection of statements by classics of Marxism-Leninism, documents of the CPSU and the Soviet state. (1977). M.: publishing House of political literature. 144c.
19. V. furov report Of the Council on religious Affairs members of the Central Committee of the Communist party of the Soviet Union. (1991). New York. Montreal. 79с.
20. Edelstein G., prot. (2005). Notes of a village priest. - Moscow: RSUH. 369s.

Об авторе

Сазонов Дмитрий Иванович - протоиерей, кандидат богословия, докторант Общецерковной аспирантуры имени свв. Кирилла и Мефодия (Россия), E-mail: sazonow63.12@gmail.com

Sazonov Dmitry Ivanovich-Archpriest, candidate of theology, doctoral student of the SSV General Church post-graduate school. Cyril and Methodius (Russia), E-mail: sazonow63.12@gmail.com